

УДК 930

Дата поступления (Submitted) 04.09.2018
 Дата принятия к печати (Accepted) 03.10.2018

EVGENIY ANATOLIEVICH ROSTOVSEV

*Doctor of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
 Institute of History, Saint Petersburg State University.
 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya Emb., 7–9.
 E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru*

Russian Middle Ages and Russian Publicism of the turn of the 20th–21st centuries

In the focus of the article are the popular publicistic narratives, which was in demand in Russian society in the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. Based on the analysis of the data of publishing statistics, sociological surveys, the network content, the most popular journalistic texts of different directions and genres are analyzed. The evolution of imaginations about the Middle Ages, historical figures and events of pre-Petrine Rus in the narratives of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet times was research in comparison with other sources of historical memory formation. It is shown that the construction of Middle Ages in publicist texts was undergone significant changes in spite of the fact that the Middle Ages were mainly the place of consensus of historical memory. They are connected both with the change in the role of publicism in the formation of the information agenda and with the change in attitude towards the medieval past, which become the ideal of the lost «golden age» from the instrument used to create historical schemes.

Keywords: *historical memory, pre-Petrine Russia, Middle Ages, medievalism, publicism.*

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ

*Доктор исторических наук, доцент,
 Институт истории,
 Санкт-Петербургский государственный университет.
 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
 Тел.: +7 (921) 636-89-12, e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru*

В основном фокусе статьи публицистические нарративы, востребованные в российском обществе конца XX – начале XXI в. На основании книжной статистики, социологических опросов, разработки сетевого контента проанализирован круг наиболее востребованных публицистических текстов разных направлений и жанров. В статье также исследована эволюция представлений о Средневековье, исторических деятелях и событиях допетровской Руси в нарративах дореволюционного, советского и постсоветского времени в сопоставлении с другими источниками формирования исторической памяти. Показано, что несмотря на то обстоятельство, что Средневековье в основном являлось местом консенсуса исторической памяти, его конструирование в публицистических текстах претерпевало существенные перемены. Они связаны как с изменением роли публицистики в формировании информационной повестки дня, так и с изменением отношения к средневековому прошлому, которое из инструмента, используемого для создания исторических схем, все больше становится идеалом утраченного «золотого века».

Ключевые слова: историческая память, допетровская Русь, Средневековье, медиевализм, публицистика.

Русское Средневековье и отечественная публицистика рубежа ХХ–XXI вв.*

Тема настоящей статьи связана со штудиями в области memory studies, осуществлямыми, в частности, в рамках коллективного проекта, посвященного мобилизации образов русского Средневековья в общественном сознании России Нового времени [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. В центре внимания статьи серия вопросов. Каково значение публицистики в вопросе формирования массовых

исторических представлений о русском средневековом обществе в ряду других источников, таких как художественная и учебная литература, монументальная скульптура и кинематограф, интернет и историческая живопись? Каким образом менялась – количественно и качественно – аудитория публицистики на протяжении последних полутора столетий? И естественно: каким образом менялся сам публицистический нарратив?

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080. Душевно благодарю за помощь в работе над статьей канд. ист. наук Д.А. Сосницкого.

Несмотря на огромную литературу по исследованию российской общественной мысли [См., напр.: 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22], проблематика использования образов Средневековья не была предметом специального изучения. В статье используется методика реконструкции структур памяти, апробированная исследователями проектов и основанная на конструктивистской парадигме – исходя из идеала будущего, с точки зрения которого прошлое рисовалось создателем текста и/или интерпретировалось его читателем [23]. Для России Нового времени условно можно назвать два таких идеала: традиционалистский / консервативный / фундаменталистский (цель истории – величие русского государства) и либеральный (цель истории – свобода/эмансипация российского гражданина) [Ср.: 23; 24].

Как показывают данные книжной статистики, в современную эпоху публицистические тексты редко становятся наиболее читаемыми. Однако в период серьезных поворотов в государственной политике, идеологии, во времена смены ценностных ориентиров, публицистика начинает играть особенную роль. Так случилось и в годы перестройки и краха советского режима, когда в обществе шло активное переосмысление навязанных марксистско-ленинской идеологией представлений о прошлом. Демонтаж в 1990 г. системы цензуры открыл дорогу к формированию новой информационной ситуации и круга читаемых публицистических нарративов. Важным фактором изменений стало постепенное изменение школьных программ по литературе и истории, из которых постепенно исчезали бывшие ранее классическими тексты А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского [24].

Круг наиболее востребованных в постсоветской России публицистических текстов был составлен на основе двух различных подходов, обусловленных ходом той информационной революции, которую переживает современное общество. В связи с этим была сделана выборка по двум хронологическим периодам: 1991–2009 и 2010–2017 гг. На основании разработки материалов книжной статистики, данных социологических опросов и материалов издания «Книга в России» был определен рейтинговый ряд текстов за период 1991–2009 гг. [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34]. Таким образом, нами было проанализировано 8 востребованных в эти годы нарративов публицистического и документального характера. Они относятся к самым разным жанрам: мемуары, очерки, документальная проза, популярные исторические исследования. В силу дискретности исторического сознания, характерной для ментальности современного человека, их весьма затруднительно разделить на концепции относительно будущего. Однако, согласно этому весьма условному разделению, из 8 проанализированных нами произведений 5 относятся к традиционалистской парадигме, 3 содержат либеральный идеал истории России.

Публицистика, востребованная в последние годы (2010–2017), все чаще распространяется в сетевых источниках, в этом смысле наиболее адекватным

инструментом для измерения популярности того или иного текста являются не столько данные традиционной статистики, часто по разным причинам носящие искаженный характер, а интерактивный интернет-контент, связанный с размещением и скачиванием/просмотром пользователями востребованных нарративов. Нами проанализирован раздел «Публицистика» одной из популярных онлайн-библиотек «Флибустана. Книжное братство». Выбор пал именно на этот ресурс, так его устройство позволяет видеть рейтинг читательских запросов на то или иное произведение [35]. Таким образом, мы получили список из 10 текстов, 9 из которых содержат исторические нарративы о русском Средневековье [36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44]. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына попал в оба списка анализируемой литературы.

На протяжении постсоветского периода неизменным оставался интерес к XIII, XVI и XVII вв. В этом отношении современная российская публицистика продолжает традицию дореволюционной и советской общественно-политической литературы, сохраняя традиционный интерес к позднему Средневековью, подкрепленный вниманием к эпохе татаро-монгольского ига.

Данные анализа публицистики позволяют нам говорить о том, что в сочинениях этого жанра постсоветской эпохи есть две наиболее востребованные темы: татаро-монгольское иго и выдающиеся церковные и религиозные деятели. Так, татаро-монгольское иго появляется в шести из шестнадцати проанализированных текстов (см. таблицу 1). В нескольких рейтинговых произведениях проводится сравнение татаро-монголов с большевиками, оккупировавшими Россию [34, с. 116; 30, Т. 2, с. 557]. Народ и в том, и другом случае терпит, так как не находит эту ситуацию безнадежной и надеется на лучшее, однако не выступает против врага открыто. Смута в публицистике также становится неким образом, символом тяжелейшего положения, в котором может оказаться страна. А.И. Солженицын в романе «Архипелаг ГУЛАГ» называет голод, разразившийся в Поволжье, даже более разрушительным, чем во времена Смуты: «Такой голод, какого не знала Русь и в Смутное Время (ибо тогда, как свидетельствуют историки, выстаивали по нескольку лет под снегом и льдом неразделанные хлебные зароды)» [30, Т. 1, с. 341].

Прежде всего, отметим, что большинство популярных событий и героев Средневековья являются местами консенсуса исторической памяти (имеющих схожие интерпретации в текстах разной идеологической направленности) в отличие от конфликтных персонажей Нового времени. В период постсоветской трансформации актуализируются образы духовных лидеров, которые на протяжении всей истории боролись за сохранение России. В этом контексте становится популярен Сергий Радонежский, который изображается в проанализированных публицистических произведениях не просто человеком, поспособствовавшим централизации русских земель, а даже в некотором смысле символом духовного возрождения Отечества. По-

Таблица 1

Наиболее популярные локальные объекты исторической памяти отечественной истории по публицистической литературе (1991–2017 гг.)

[Сост. по: 25; 26; 27; 28; 29; 30; 32; 33; 34; 36; 37; 38; 39; 41; 42; 43; 44]

№	Локальные объекты исторической памяти	Количество упоминаний
1–2	Александр Невский, Татаро-монгольское иго	8
3	Иван Грозный	7
4	Смута	5
5	Сергий Радонежский	4
6–15	Владимир Святой, Борис Godунов, Алексей Михайлович, Крещение Руси, Нестор, Ливонская война, Игорь Новгород-Северский, Евпатий Коловрат, Епифаний Премудрый, Иосиф Волоцкий	2
16–44	Дмитрий Донской, Мстислав Великий, Владимир Мономах, Борис и Глеб, Иван Кольцо, Иван Мансуров, Ермак, Присоединение Сибири, Аника Строганов, Взятие Астрахани, Максим Грек, Взятие Казани, Михаил Докса, Данила Мамырев, Василий III, Куликовская битва, Иван III, Все́волод Большое Гнездо, Кирилл и Мефодий, Илларион, Лука Жидята, Повесть временных лет, Ярополк, Княгиня Ольга, Святополк, Вещий Олег, Битва на Калке, Федор Иоаннович, Иван Калита, Святослав	1

добная роль в текстах традиционалистского толка отведена и святому благоверному князю Александру Невскому [28, с. 266]. В постсоветские годы в публицистических текстах все чаще делается упор не на его военные победы, а на заслуги в возрождении народного духа, на его призывы сражаться за народную свободу. Достойное место в этом ряду занимает патриарх Гермоген, который с готовностью отражал все попытки иностранных интервентов захватить власть в России [26, с. 3].

В текстах традиционалистского толка также зачастую звучит критика советской и современной власти. Им противопоставляется «монархический идеал». Так, например, в противовес «мнимой» современной демократии ставится процедура выборов на престол царя Михаила Романова – истинного народного избранника: «Монархические выборы были не циничным шоу, а сакральным действом, с постом и молитвами, где люди как перед Богом стояли. Это была метафизика, то есть действие, лежащее за границами физического мира, в котором участвовали народ и Церковь. К тому же, победитель определялся не большинством, а стопроцентным согласием. Лучшие представители со всех концов России совещались, молились и постились до тех пор, пока не нашли фигуру, устраивающую всех абсолютно» [28, с. 338].

В публицистике последних лет, как показывает анализ материалов портала «Флибустан», актуальны все те же темы, что и в 1990–2000-х, данные, правда, в несколько иной интерпретации. Так, в популярном тексте Н.В. Старикова «Кризис: как это делается» проводятся параллели уже не между та-

таро-монгольским илом и большевиками, а между татарами и Западом: «После победы над Мамаем в 1380 году Россия еще около ста лет платила Орде дань. Сколько лет нам платить Дань нынешней “Орде”, отдавая природные ресурсы за ее бумажные доллары, которые потом размещаются в “ордынских” государственных облигациях? Ответа на этот вопрос не знает никто» [39, с. 103].

Интерес к русскому Средневековью в современной публицистике, безусловно, проявляется все чаще. Публицисты ищут корни современных исторических явлений (например, таких как «русофobia») в нашей средневековой истории. Вот как, в частности, один из наиболее «рейтинговых» авторов как «художественных», так и публицистических нарративов 2000–2010-х гг. А.А. Бушков отвечает о первом русском летописце в своей Славянской книге проклятий: «Нестор – поганый русофоб. Иного определения для него и не подберешь. Надо очень не любить своих земляков, чтобы представить их полными и законченными дикарями, только вчера слезшими с деревьев и не без труда оторвавшими у себя хвосты...» [41].

Вообще же основными темами популярных публицистических нарративов постсоветской эпохи являются критика большевизма и идеализация монархии. К первой теме больше обращаются либеральные авторы, ко второй писатели традиционалистского толка. При этом допетровская Русь и для тех, и для других является в большей степени все же общим идеализированным прошлым, не вызывающим практически никаких принципиальных разногласий. Примеры минувшего лишь служат для подтвержде-

ния глубоких корней многих социальных болезней недавнего советского прошлого и российского настоящего.

В недавней диссертации Д.А. Сосницкого предпринята попытка анализа источников формирования исторической памяти о допетровской Руси в XIX–XX вв., включая и публицистический контент [24]. Отсылая читателя к этой диссертации, отметим, что интерпретация Средневековья в современной литературе отличается от дореволюционной и от советской традиции тем, что современные авторы еще меньшее внимание уделяют общественно-по-

литическим процессам, происходившим в средневековой Руси, акцент смещается в сторону духовной составляющей. В этом плане для публицистов постсоветской России средневековая эпоха – это период относительной гармонии между властью и обществом, на смену которому пришли долгие годы разрушительной борьбы и хаоса. Отметим, что публицистические произведения схожи со многими другими типами источников конструирования памяти о прошлом – художественными текстами, фильмами, сетевыми ресурсами и др., в которых Средневековье крайне редко является объектом повышенного

Таблица 2

Рейтинг локальных объектов исторической памяти в различных типах источниках (1850–2017 гг.)

[Сост. по: 24, с. 62–63; 113–115, 159–160, 195; 36; 37; 38; 39; 41; 42; 43; 44; 45]

Рейтинг локальных объектов исторической памяти в проанализированных источниках (1850–1917 гг.)					
Место в рейтинге	Художественная литература	Публицистическая литература	Периодическая печать	Кино	Монументальная скульптура¹
1.	Иван Грозный	Иван Грозный	Владимир Святой	Иван Грозный	Владимир Святой (1–5) [1–2]
2.	Владимир Святой	[2–7] Татаро-монгольское иго	Иван Грозный	[2–10] Борис Годунов	Княгиня Ольга (1–5) [3–7]
3.	Дмитрий Донской	[2–7] Владимир Святой	[3–4] Борис Годунов	[2–10] Лжедмитрий I	Дмитрий Донской (1–5) [3–7]
4.	Татаро-монгольское иго	[2–7] Земские соборы	[3–4] Александр Невский	[2–10] Малюта Скуратов	Ермак (1–5) [1–2]
5.	[5–10] Опричнина	[2–7] Иван Калита	Алексей Михайлович	[2–10] Смута	Богдан Хмельницкий (1–5) [3–7]
6.	[5–10] Князь Игорь	[2–7] Иван III	[6–9] Игорь Новгород–Северский	[2–10] Минин и Пожарский	Крещение Руси (6–10) [8–10]
7.	[5–10] Ярослав Мудрый	[2–7] Церковный раскол	[6–9] Ермак	[2–10] Владимир Святой	Александр Невский (6–10) [8–10]
8.	[5–10] А.М. Курбский	[8–10] Степан Разин	[6–9] Рюрик	[2–10] Степан Разин	Иван Федоров (6–10) [8–10]
9.	[5–10] Святослав	[8–10] Александр Невский	[6–9] Никон	[2–10] Дмитрий Донской	Минин и Пожарский (6–10) [3–7]
10.	[5–10] В. Шуйский	[8–10] Дмитрий Донской	Иван III	[2–10] Ермак Тимофеевич	Иван Сусанин (6–10) [8–10]
Рейтинг локальных объектов исторической памяти в проанализированных источниках (1918–1991 гг.)					
Место в рейтинге	Художественная литература	Публицистическая литература	Периодическая печать	Киноисточники	Монументальная скульптура
1.	Степан Разин	Иван Грозный	[1–3] Игорь Святославович Новгород–Северский	[1–3] Иван Грозный	Александр Невский

2.	Иван Грозный	[2–4] Александр Невский	[1–3] Степан Разин	[1–3] Василий Буслаев	Андрей Рублев
3.	Илья Муромец	[2–4] Смутное время	[1–3] Иван Грозный	[1–3] Опричнина	[3–7] Степан Разин
4.	[4–7] Лжедмитрий I	[2–4] Степан Разин	[4–6] Иван Сусанин	[4–10] Игорь Новгород-Северский	[3–7] Олег Вещий
5.	[4–7] Никон	[5–10] Лжедмитрий I	[4–6] Борис Годунов	[4–10] Александр Невский	[3–7] Князь Игорь Старый
6.	[4–7] Владимир Святой	[5–10] Алексей Михайлович	[4–6] Федор Иоаннович	[4–10] Татаро-монгольское нашествие	[3–7] Юрий Долгорукий
7.	[4–7] Церковный раскол	[5–10] Минин и Пожарский	[7–9] Владимир Мономах	[4–10] Ледовое побоище	[3–7] Дмитрий Донской
8.	[8–10] Алексей Михайлович	[5–10] Крещение Руси	[7–9] Александр Невский	[4–10] Малюта Скуратов	
9.	[8–10] Игорь Новгород-Северский	[5–10] Татаро-монгольское иго	[7–9] Иван III	[4–10] Опричнина	
10.	[8–10] Ярослав Мудрый	[5–10] Опричнина	Крещение Руси	[4–10] Андрей Курбский	

**Рейтинг локальных объектов исторической памяти в проанализированных источниках
(1992–2017 гг.)**

Место в рейтинге	Художественная литература	Публицистическая литература	Монументальная скульптура	«Википедия»	Социологический опрос (2011)
1.	Иван Грозный	Татаро-монгольское иго	[1] Александр Невский	Иван Грозный	Иван Грозный
2.	Опричнина	[2–3] Александр Невский	[2] Владимир Святой	Иван III	Александр Невский
3.	[3–10] Куликовская битва	[2–3] Иван Грозный	[3–4] Княгиня Ольга	Владимир Святой	Владимир Святой
4.	[3–10] Смутное время	[4] Сергий Радонежский	Дмитрий Донской (4) [3–4]	Крещение Руси	Рюрик
5.	[3–10] Рюрик	[5] Смута	[5] Юрий Долгорукий	Куликовская битва	Дмитрий Донской
6.	[3–10] Иван III	[6–10] Епифаний Премудрый	[6] Михаил Александрович Тверской	Александр Невский	Минин и Пожарский
7.	[3–10] Игорь Новгород-Северский	[6–10] Иосиф Волоцкий	[7–10] Святослав	Рюрик	Владимир Мономах
8.	[3–10] Александр Невский	[6–10] Евлакий Коловрат	[7–10] Ярослав Мудрый	Ледовое побоище	Иван III
9.	[3–10] Борис Годунов	[6–10] Игорь Святославович Новгород-Северский	[7–10] Даниил Московский	Смута	Ярослав Мудрый
10.	[3–10] Лжедмитрий	[6–10] Алексей Михайлович	[7–10] Иван Грозный	Ярослав Мудрый	Лжедмитрий

внимания (см. таблицу 2). Однако в рамках таких (фоновых) интерпретаций средневековые сюжеты становятся все более и более востребованными в современной России.

Приведенные данные показывают, что отличительной особенностью публицистической литературы является популярность на протяжении длительного периода (вторая половина XIX – начала XXI в.) такого объекта памяти, как татаро-монгольское иго. В других источниках (художественная литература, периодическая печать, кино) этот объект не так востребован и находится скорее на периферии общественного интереса (см. табл. 2). Кроме того, повышенное внимание авторов публицистических текстов обращено к деятелям и событиям церковной истории – Сергию Радонежскому, Епифанию Премудрому, Иосифу Волоцкому, крещение Руси, церковный раскол. Во всем остальном публицистика идет в основном по пути других массовых источников конструирования памяти о Средневековье. Традиционно в текстах общественно-политической тематики востребованы фигуры Александра Невского, Степана Разина. Как ни парадоксально, Иван Грозный – наиболее популярный средневековый персонаж последних 150 лет, являющийся первым по

времени конфликтным объектом исторического сознания во многом благодаря публицистике, для современных публицистических нарративов второстепенен. Средневековое общество представляется далекой прекрасной и ушедшей эпохой («золотым веком»), но не столько в политическом, сколько в духовно-нравственном смысле.

* * *

Предварительные наблюдения, связанные с публицистическими нарративами XIX–XXI вв., показывают несколько любопытных обстоятельств. Прежде всего, средневековая Русь и ее обитатели на протяжении полутора столетий являются постоянными персонажами наиболее популярных публицистических нарративов. Подчеркнем, что идеологический накал, характерный для этого жанра, почти не касается средневековых героев и событий, которые в основном остаются местами консенсуса исторической памяти. Современная эпоха не изменила этого положения, однако в последние десятилетия средневековые сюжеты мобилизуются не только для обоснования конкретных историко-политических схем, сколько для поиска «идеала в прошлом» – духовных ценностей, важных для современного конфликтного социума.

Примечания

¹ Цифра в круглых скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в период с 1850 по 1917 гг. Цифра в квадратных скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в более ранний период.

Литература и источники

1. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Забытый золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава – переосмысления XIX – начала XXI в. // Руслан. 2016. № 4 (46). С. 26–43.
2. Sirenov A.V. The legitimization of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1. С. 100–109.
3. Сиренов А.В. Реликвии владимирских князей // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 5. С. 286–294.
4. Филюшкин А.И. «Киевская Русь» в академическом и культурном дискурсе Восточной Европы последних лет: историографические и культурные перспективы // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. 2016. С. 10–14.
5. Филюшкин А.И. «Мобилизация средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 569–590.
6. Филюшкин А.И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Древняя Русь: во времени, в личности, в идеях. 2016. № 5. С. 213–223.
7. Филюшкин А.И. Сотворение Грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. № 3 (4). С. 123–130.
8. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1149–1163.
9. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Русское средневековье в коммерческой рекламе: постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 398–416.
10. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 41–58.
11. Сиренов А.В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193.
12. Филюшкин А.И. «Мобилизация Средневековья» как инструмент формирования представлений о славянском единстве // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2. С. 22–39.
13. Филюшкин А.И. Места памяти или память места? Две битвы Александра Невского в исторической памяти // Диалог со временем. 2017. № 60. С. 25–44.
14. Филюшкин А.И. Страна, опрокинутая в прошлое? Почему общество обращается к беллетристике и «мобилизует средневековье»? // Люди и тексты. Исторический альманах. 2017. № 10. С. 132–143.
15. Страницы минувшего. Отечественная публицистика XIX – начала ХХ вв. М.: МедиаМир, 2006. 271 с.
16. Национализм: pro et contra, антология / сост. А.А. Иванова, А.Л. Казина, А.Э. Котова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. 923 с.
17. Мы дышали свободой...: Историки Русского Зарубежья о декабристах. М.: Формика-С, 2001. 207 с.
18. Радченко М.Я. Декабризм и декабристы: судьбы дефиниций в отечественной историографии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 123–132.

References

1. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. *Zabytyi zolotoi vek: Yaroslav Mudryi i Rus'* [The forgotten golden age: Yaroslav the Wise and Russia of Yaroslav – the rethinking of the 19th – beginning of the 21st century]. *Rusin*, 2016, no. 4 (46), pp. 26–43.
 2. Sirenov A.V. The legitimization of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, no. 1, pp. 100–109.
 3. Sirenov A.V. *Relikvii vladimirskikh knyazei* [Relics of Vladimir princes]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas], 2016, no. 5, pp. 286–294.
 4. Filyushkin A.I. «Kievskaya Rus'» v akademicheskem i kul'turnom diskurse Vostochnoi Evropy poslednikh let: istoriograficheskie i kul'turnye perspektivy [“Kievan Rus” in the academic and cultural discourse of Eastern Europe in recent years: historiographic and cultural perspectives]. *Gosudarstva Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v istoricheskoi perspective* [The states of Central and Eastern Europe in the historical perspective], 2016, pp. 10–14.
 5. Filyushkin A.I. «Mobilizatsiya srednevekov'yia» kak poisk identichnosti: kakimi putyami Belorussiya khochet uiti ot istoricheskogo naslediya Rossiiiskoi imperii i SSSR [“Mobilization of the Middle Ages” as a search for identity: what ways does Belarus want to get away from the historical heritage of the Russian Empire and the USSR]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 569–590.
 6. Filyushkin A.I. Zavoevaniya Ivana Groznogo v pamjati potomkov [Conquest of Ivan the Terrible in the memory of descendants] *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnosti, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in person, in ideas], 2016, no. 5, pp. 213–223.
 7. Filyushkin A.I. Sotvorenie Groznogo tsarya: zachem N.M. Karamzinu byl nuzhen «tiran vseya Rusi»? [The Creation of the Terrible Tsar: Why did N.M. Karamzin need a “tyrant of all Russia”?]. *Tetradi po konservativizmu* [Notes on conservatism], 2016, no. 3 (4), pp. 123–130.
 8. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. «Kulikovskii plen»: obraz Dmitriya Donskogo v natsional'noi istoricheskoi pamjati [“Kulikovsky captivity”: the image of Dmitry Donskoy in the national historical memory]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 1149–1163.
 9. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. *Russkoe srednevekov'e v kommercheskoi reklame: postanovka problemy i perspektivy issledovaniya* (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.) [Russian Middle Ages in commercial advertising: the formulation of the problem and the prospects for research (second half of the 19th – beginning of the 21st centuries)]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in person, in ideas], 2017, no. 7, pp. 398–416.

